

В УНИВЕРСИТЕТЕ БЫЛА ОБСТАНОВКА ВЗАИМОПОДДЕРЖКИ

Чем было обосновано Ваше решение поступить на исторический факультет Университета?

Знаете, как-то с детства увлекалась литературой, историей... Склонность, наверное, была. Не могу сказать, что в последний год моего обучения были очень хорошие учителя, но до этого были неплохие — в девятом классе, в восьмом, в седьмом... Так получилось, что с учителями литературы и истории возникли проблемы, но это меня не отвратило. Мы много читали: и исторические книги, и классику. В общем-то, семья определяет... Хотя у меня оба родителя инженеры — у них это было увлечением, у меня стало профессией.

Расскажите, как проходили вступительные экзамены?

Ужасно!.. Был очень большой конкурс — кажется, сто человек на место. Тогда еще учитывался средний балл аттестата. Так вот, на дневное отделение средний балл аттестата был 24,5–25, то есть средний балл в аттестате должен был быть «пятерка», и все четыре экзамена человек должен был сдать на «пятерки». Естественно, никакого послабления не было, скорее наоборот — старались провалить, и, в общем, на дневное я не поступила: я посчитала, что мне не хватит баллов даже на вечернее. На вечернем проходной балл

Кандидат исторических наук, доцент, главный специалист Российского государственного исторического архива. С 2011 г. работает на кафедре архивоведения исторического факультета—Института истории СПбГУ. Много лет плодотворно занимается историей отечественной судебной системы. Принимала участие почти во всех изданиях материалов РГИА. Автор более 200 работ по истории России XIX–начала XX в., редактор и составитель справочников по фондам РГИА.

был 23, то есть можно было позволить себе «четверки», но нужен был очень хороший аттестат. Во всяком случае, на вечернее пришлось сдавать по второму кругу экзамены. Это было очень тяжело: вместо четырех экзаменов пришлось сдать восемь, но, во всяком случае, на вечернее я прошла.

Каково было первое Ваше впечатление об Университете?

Я пыталась ходить до этого на малый факультет на археологию — у меня было желание поступить на археологию, но там не сложилось — во всяком случае, с истфаком я была знакома: ходила на общие лекции, специализированные занятия. Потом, когда я не поступила на дневное, мы с моей одноклассницей, которая не поступила на филологический факультет, пошли с горя прогуляться. Шли мимо архива — куда-то поступать надо было, поскольку на вечернее без справки с работы меня бы не приняли... Так что сам Университет я видела, некоторых преподавателей знала и представляла, что уровень преподавания будет достаточно высокий. В общем, после школы, после состояния нашего среднего образования была, конечно, большая эйфория. Кроме того, была еще очень доброжелательная и уважительная атмосфера.

А почему Вы выбрали именно эту кафедру?

Ну, это была не кафедра архивоведения, а кафедра истории России до 1917 года. Я уже поступила тогда работать в Российский государственный исторический архив, а туда входили в основном документы XIX – начала XX века. Так что с этим была связана моя работа, да и коллеги рекомендовали мне учиться именно на этой кафедре, поскольку работа в архиве соответствует кафедральному профилю.

Кто из преподавателей исторического факультета Вам запомнился?

Тогда было очень много колоритных преподавателей: Абрам Давыдович Столяр — он читал историю первобытного общества в первом семестре, потом основы археологии; Александр Львович Шапиро — он был просто великий человек, и слушать его на первом курсе была большая честь. Он очень много дал, умел держать аудиторию: видит, что слушатели несколько утомляются — он процитирует какое-нибудь литературное произведение, в частности, «Историю государства Российского»: он начнет, аудитория подхватывает, все просыпается, взбодрятся... Студенты довольны: преподаватель, знающий не только круг исторических тем, и преподаватель тоже доволен, что дети кое-что знают — в общем, всем хорошо. Специалист был многосторонний... Был еще такой Андреев на кафедре Древней Греции и Рима [Ю. В. Андреев] — тоже с большим воодушевлением читал.

Кто был Вашим научным руководителем?

Научным руководителем был Борис Васильевич Ананьич, но это было несколько позже, уже на третьем курсе, хотя вечерникам были положены спецкурсы и спецсеминары на четвертом. Но я пошла раньше. Некоторые, правда, со второго ходили — например, к Семенову Леониду Сергеевичу, Яковкиной Наталье Ивановне — тоже очень большой специалист, она начинала с истории декабристов, потом перешла на историю русской культуры.

Борис Васильевич Ананьич

Как складывались отношения между преподавателями и студентами?

Хорошо складывались, никаких особых конфликтов у нас не было. Единственное, был прецедент, когда на дневном отделении, на четвертом или на пятом курсе, был преподаватель философии, на которого дневники ходили жаловаться. Но вообще такого себе не позволяли и считали, что это неприлично, да и несолидно. Кстати, Флоринский Михаил Федорович у нас начинал, это были первые годы его преподавания. Но уже тогда было видно, что это человек талантливый, и что он должен заниматься именно наукой и именно историей России. Очень интересные были лекции и, в частности, по истории госучреждений.

Сильно ли было влияние идеологии на учебный процесс?

Вы знаете, не особо. Было, конечно, куда без этого, мы все в этом жили. Естественно, была история КПСС, рабочего класса, научный коммунизм. Был интереснейший, правда, сложнейший предмет — история философии. Это шло, как вы понимаете, в русле марксизма-ленинизма, но все-таки фактология знаний тогда от этого не так сильно зависела. Правда, нам приходилось на первом курсе писать курсовую по истории КПСС. Кстати, до нас и после нас такое было несколько лет, потом стали писать по древнейшей истории России, и дальше по возрастающей: второй курс — история XIX века, третий курс — история советского общества, но поскольку я тогда уже ушла на спецсеминар, то я писала по своей теме.

Что Вы можете сказать о деятельности студенческого научного общества?

Да ничего особо не могу сказать. Оно, конечно, было, но этим занимались дневники. Проводились студенческие конференции — желаю-

щих там было много, насколько я понимаю... И еще была очень полезная работа на спецсеминарах. К студенческому научному обществу это не имеет никакого отношения, это плановая учебная программа, где шло интенсивное научное обсуждение. Были, кстати, очень хорошие студенческие газеты — ну, вечерники в этом никакого участия не принимали, мы все были потребителями исходного продукта. Как минимум три раза в год вывешивались большие, на несколько листов, газеты, посвященные актуальным проблемам студенческой жизни. Проводили опросы — как чисто исторические, так и просто культурные, и наиболее «выдающиеся» ответы они запечатлевали. Первое впечатление об этом сложилось на первом же курсе, когда вышла весенняя газета. Был такой пародист Александр Иванов, и у него была пародия: «Не пиши стихов ты, не пиши, лучше погуляй и подыши...». А в студенческой газете был приказ деканата в стихах, который начинался так: «Не пиши ты курсовую, не пиши, лучше погуляй и подыши...» — ну и так далее.

Как проходили экзамены на факультете?

По-разному, зависело от преподавателя. Ну, на первом курсе были в основном интересные предметы: древняя история, история Египта. Был египтолог Виноградов [И. В. Виноградов] — читал с большим задором, рассказывал про иероглифы на египетских пирамидах. Вот такие преподаватели должны быть на первых зачетах, потому что принимал он доброжелательно, с чувством юмора...

Какими библиотеками Вы пользовались в процессе обучения?

Естественно, пользовалась Библиотекой общественных наук, Горьковской — там еще был очень хороший читальный зал. Также была очень хорошая библиотека в Российском государственном историческом архиве. Потом, курсе на третьем, я ходила по мере надобности в Публичную библиотеку.

Какие виды практики Вы проходили во время обучения?

Была архивная практика, но ее я не проходила, поскольку архивистам она ставилась автоматически, и еще педагогическая.

А археологической практики не было?

Нет, во всяком случае, на вечернем не было.

Как складывались личные отношения между студентами?

Я не знаю, как на дневном, но, судя по всему, там тоже было достаточно хорошо. Ну а вечерники, как вы понимаете, были все разного воз-

раста, и в основном это были люди, уже успевшие поработать. Так что это были достаточно взрослые люди, и поэтому таких детских ссор не было. Была обстановка взаимоподдержки: заболел — дадут лекцию переписать, если что — могли и подсказать, не без этого. В общем, хорошие были отношения.

Существовала ли проблема трудоустройства по окончании Университета?

Да нет, какая могла быть проблема трудоустройства, если все уже работали? У дневников, насколько я понимаю, тоже не было, потому что кто хотел — тот получал свободное распределение, насильно никого никуда не загоняли. На дневном была девушка, у которой почему-то было желание работать в сельской школе. Она пошла в специальный комитет комсомола, все там очень испугались, и в итоге девушка стала работать в Петергофе. Ну, Петергоф глухой деревней не назовешь... А так — были желающие работать в школе: кто хотел работать в Питере — тот работал в Питере, кто хотел ехать в родной город — тот ехал в родной город. С кафедры истории КПСС некоторые в КГБ работали — там же тоже были нужны специалисты по истории. Кто-то работал в самом Университете, в той же библиотеке. Естественно, многие работали в музеях — был большой спрос. В общем, безработным никто не оставался. В других вузах, я знаю, часто направляли в места, куда люди не хотели идти.

Могли бы Вы назвать какие-нибудь наиболее значимые события Вашей студенческой жизни?

Защита диплома — это весьма значимое событие, причем я его раньше всех на вечернем отделении защищала. Государственные экзамены — это

*Документы, с которыми работают историки в архивах
(фотографии из коллекции С. С. Смирновой)*

тоже весьма волнующе, причем у нас экзамен по научному коммунизму был до защиты диплома, а экзамен по истории КПСС — после защиты диплома. И это было очень неудобно, потому что после защиты диплома тебе уже не до экзаменов — ты чувствуешь себя большим специалистом... Диплом — это, конечно, большая нагрузка и большое напряжение. Вроде все понятно, все хорошо, тебя все знают и вроде бы как все доброжелательно настроены, но все равно чувствуешь меру своей ответственности, а когда уже эта тяжесть свалилась — готовиться к госэкзаменам ни сил, ни желания нет.

Вы поддерживали отношения со студентами других кафедр?

Естественно, поддерживала отношения, когда готовилась к кандидатскому минимуму по английскому языку. Встречались в основном именно на таких занятиях. У меня до сих пор хорошие отношения с некоторыми людьми, с которыми я изучала английский.

Какова была тема Вашей дипломной работы?

«Комиссия для пересмотра законоположений по судебной части 1894–1899 года».

Защита дипломов (крайний справа — Б. В. Ананьич)

И несколько вопросов относительно Вашей преподавательской деятельности: какие первые курсы Вы прочитали на факультете?

Первые курсы были — «Организация и хранение документов», потом уже были «Организация делопроизводства», «История делопроизводства», «Документоведение», которое я и сейчас читаю.

Какие отношения у Вас складывались с коллегами?

Хорошие, ничего плохого про коллег не могу сказать — и в архиве, и здесь.

В каких исследовательских проектах Вы принимали участие?

Во многих, последний был «Свод законов Российской империи», ну и «Министерская система Российской империи» — коллективная монография. Большая работа была в ГАРФе по Столыпину: дневники, переписка, законопроекты — там несколько томов с моим участием.

Как Вы оцениваете состояние исторической науки до 1990 года?

Оно было не так плохо, как это сейчас представляется современным критиком. Тогда были талантливые ученые — и молодые, и люди в возрасте. Уже тогда активно работали мои соученики по семинару: Анатолий Викторович Ремнёв, ныне покойный — наиболее выдающийся из нас был; Юрий Викторович Тот, который сейчас кафедрой в Университете заведует — тоже большой специалист, у него прекрасная монография по истории полиции в дореволюционной России. Тогда очень активно действовал и Институт истории, там много выдающихся специалистов работало: Ананьич Борис Васильевич, Ганелин Рафаил Шоломович, Нардова Валерия Антониновна... Это люди, которые писали выдающиеся, я бы сказала, труды — один «Кризис самодержавия» 1994 года издания чего стоит.

Как развивались научные школы в то время?

Я помню, одно время были такие искусственные объединения: школа такого-то, школа сякого-то... Но при ближайшем рассмотрении выяснялось, что люди там собирались по корпоративной принадлежности, а не по научному направлению. К 90-м годам очень большой интерес появился именно к внутренней политике, к проблемам функционирования и развития действий самодержавия, его институтов — в отличие от предыдущего периода, когда основная направленность была на рабочий класс и революционную борьбу, хотя по истории революционной борьбы у нас тоже есть прекрасные монографии. Очень много трудов стало выходить, посвященных либо высшим органам, либо центральным...